

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Мертвая

цепочка

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Мертвая цепочка / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-225962-3

Полковников МВД Гурова и Крячко пригласил на свою серебряную свадьбу старый приятель, журналист из небольшого сибирского города. Праздник прошел весело. Но наутро случается ЧП: у соседки журналиста, чиновницы Марьиной, пропадает десятилетний сын. Мальчик пошел в магазин и бесследно исчез. Ни угроз, ни требований выкупа со стороны нет. Прочесывание местности результатов не дало. Гуров присматривается к окружению Марьиной, и в отношении некоторых персон у него закрадываются подозрения — слишком уж неестественно они ведут себя в этой ситуации... Чутье не подвело сыщика: самое страшное в этой истории случается позже...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225962-3

© Макеев А.В., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Найти черную кошку в темной комнате невозможно. Особенно если ее там нет.

Апрель уже начал радовать москвичей ранним теплом, щедро рассыпая первые, пока еще скромные дожди на тротуары, крыши машин и головные уборы жителей столицы. У Льва Гурова в кои-то веки появилась возможность физически почувствовать выходные. Отоспаться, пожарить мясо на даче у семейства Крячко, да просто не думать о завтрашнем дне, а прожить сегодняшний как нормальный человек. Да — всего лишь субботу и если повезет — воскресенье.

Для кого-то это — мелочь, но только не для полковника уголовного розыска, ведь выдернуть из теплой кровати и сновидений могут хоть в три часа ночи в будний день, хоть в пять утра в выходной. Гуров повер-

нулся и посмотрел на жену, Маша во сне улыбалась как Чеширский Кот, видимо, Морфей в прошедшую ночь выдавал бонусы в качестве душевных снов самым хорошим актрисам. Звонок на мобильном моментально испортил пастораль начинающихся выходных.

«Ну, вот. Вспомнишь черта, он и объявится», — обреченно подумал Гуров и взял трубку. Но к его удивлению и радости, на том конце «провода» раздался до боли знакомый голос — не Орлова, а криминального журналиста Игоря Воронина, с которым они в свое время попали в такую заваруху, что впору книгу об этом писать.

— Ну, здравствуй, полковник!

— Привет работникам пера. Рад слышать. Надеюсь, звонишь по хорошему поводу.

— По очень хорошему. У нас со Златой юбилей — пять лет вместе. Приглашаю вас с Машей во глубину сибирских дачных участков — в наше родовое поместье, так сказать... Разумеется, Станислава с Наташей тоже ждем. Вы так и ходите парой, как санитары? — не очень удачно пошутил Воронин.

— Ходим, ходим, а в свободное от скандинавской ходьбы время расследуем престу-

пленения, — парировал Гуров, а потом добавил: — Ну ничего себе, уже пять лет... Принято! Будем.

— С начальством получится договориться?

— Постараемся.

Гуров вышел на балкон, закурил, и на него нахлынули воспоминания.

Тогда 35-летний Игорь Воронин трудился на благо российской словесности в местной сибирской газете «Сигнал» в должности редактора отдела расследований несколько лет. Он потерял свою молодую жену, младше его на десять лет, сгоревшую от рака буквально за несколько месяцев, и, чтобы не сойти с ума, Игорь ушел в работу. Воронин был на хорошем счету у руководства, его статьи поднимали тираж и подписку в мессенджерах, а значит, и зарплата была вполне приличная. Тогда он занимался расследованием странных исчезновений женщин в городе, которые спустя много лет вдруг возобновились.

Несмотря на то что на дворе стоял 2020 год, а не 1937-й и в городе не было никакого Берии и в помине, молодые женщины выходили из дома — в магазин, на почту или в парикмахерскую — и бесследно исче-

зали. Складывалось такое впечатление, что либо их похищали инопланетяне, либо они проваливались сквозь землю. Ни первый, ни второй варианты не выдерживали никакой критики, разумеется. Оставался маляк, но и тел погибших тоже не было.

Самое первое исчезновение молодой матери — 25-летней Аглаи Березиной, у которой остались годовалая дочь Маша и полуслепая мать, произошло ровно 16 лет назад. Тогда эту жуть обсуждал весь их небольшой город. Аглая вышла из дома, чтобы купить пачку памперсов, дочь и мать оставила на сестру, чтобы присмотрела и за малой, и за старой. Как только она вышла из аптеки, больше ее никто не видел. Мужа у молодой женщины, работавший менеджером по продажам в одной из рекламных компаний города, не имелось.

Не появился отец маленькой Маши и после того, как в эту историю вцепились все журналисты города, со всех сторон обкатывая сенсацию. Ранее здесь ничего такого не происходило — не Чикаго все-таки, да и на дворе балом уже правили нулевые, а не 90-е. Мать ребенка не нашли, и опеку над сиротой взяла ее тетка Маруся, сестра Аглаи. Забрала она с собой и слепую мать, так и жили втроем. Правда, с прежней рабо-

ты проводницей Марусе пришлось уволиться, ведь нужно было смотреть за ребенком и инвалидом. Какие уж тут командировки по стране и приличная зарплата...

Она устроилась в детский сад поваром. За Машей присмотр — детей сотрудников оформляли в садик бесплатно и вне очереди, и повар всегда при продуктах. Платили-то сущие копейки... Когда племянница подросла и пошла в старшие классы, ее охватила идея фикс по поводу поисков пропавшей много лет назад матери. В поисках ей помог Воронин, но в процессе его расследования выяснились такие подробности, что из Москвы ему в помощь по личному распоряжению Орлова приехали Гуров и Крячко.

Игорь позаботился о том, чтобы Машу не трогали ни органы опеки, ни местный криминал, который, узнав, что девчонка зарабатывает на улице какие-то копейки мимо их «общака», могли запросто и собаку убить, да и Машу пристроить в совсем другой бизнес. Такой оборот дела был бы только на руку. Не посмотрели бы, что малолетка и без матери. Тем более что к ней уже пару раз подходили молодые люди с недобрыми глазами и ласково спрашивали: как выручка, как дела? Не болеет ли бабушка?

Маша, чувствуя исходящую от них угрозу, страшно испугалась и рассказала все Игорю. А на улицу Маша попала следующим образом. Как-то раз она привела домой рыжего, трясущегося от голода щенка — не смогла пройти мимо такого же бедолаги, как она сама.

— Это что за заморыш? — всплеснув руками, запричитала тетя Маруся. — Машка, ты с ума сошла, что ли? Кто его кормить будет? И так едва концы с концами сводим!

— Теть Маруся, не ругайся, мы с ним пойдем на улицу деньги зарабатывать, да, Арто?

— На какую улицу??!

— Это же пудель, он просто очень грязный. Его отмыть нужно и причесать. Эта порода собак отличается высокой артистичностью и отлично поддается дрессировке. Так что мы разучим с ним несколько номеров и будем выступать на улице, рядом с кинотеатром. Там всегда много народу ходит. Так что не только ему на пачку сухого корма заработаем, но и нам с тобой и бабулей на тарелку горячего супа.

— Бред какой-то, — махнула рукой тетка, но собаку не выгнала.

А Маша и правда отмыла Артемона — а как бы еще она могла назвать пуделя, —

откормила, и уже через полгода по наступлении весны они вышли на улицу с двумя забавными номерами. Маша играла на губной гармошке, а Артошка танцевал. Еще он при помощи небольших ухищрений со стороны своей хозяйки считал до двух и пел. Народ смеялся и кидал в шляпу деньги. Мимо этой талантливой парочки каждый день проходил и Игорь Воронин.

Они познакомились, и журналист считал своим долгом ежедневно финансово поддерживать концертную деятельность пуделя и его маленькой хозяйки, он выделял им по сто рублей на каждого. С учетом того, что кидали прохожие, иногда хватало даже на что-нибудь посущественнее супа. Маше только что исполнилось семнадцать лет. Конечно, пели и плясали с Арто они только после того, как у Маши заканчивались уроки, благо училась она в дневную смену.

Но тут появилась новая проблема. Дело в том, что крышевал весь уличный бизнес местный 55-летний депутат Дима Паровоз от самой главной партии страны. Смех смехом, но Паровоз была настоящая, родная фамилия этого жулика от власти, что изрядно веселило весь парламентский и чиновничий «бомонд» города. Воспри-

нималась-то она как криминальное погоняло, а не родовое имя. У Игоря в тот момент не имелось доказательств незаконной деятельности Паровоза, но блеф никто не отменял.

Он дозвонился до народного избранника, назначил встречу и пообещал, что, если Машу не будет трогать ни закон, ни беззаконие в образе его подопечных, он, Игорь Воронин, не станет трогать и Диму Паровоза на страницах своей газеты. А если он еще и поможет семье подарком в виде компьютера, то Игорь напишет про Диму вполне себе приличную статью. Ведь Паровоз, сидя в своем кресле, действительно помогал детским домам и больницам, нужно же было создавать имидж честного, благородного депутата. Вот об этом и можно написать без вранья и приукрашивания.

Паровоз, недолго думая, согласился. С наглым журналюгой можно же будет потом поквитаться и компромат отобрать. А пока пускай поработает на благо его имиджа. А купить какой-то там нищесборке компьютер — левое дело при его доходах. Более того, надо купить самый навороченный, чтобы этот Свистунов из КПРФ, который вечно говорит гадости в его сторону на сессиях, заткнулся наконец.

Компьютер для Маши подарили «на камеру». Паровоз специально собрал в этот день около дома девочки все прикормленные редакции города. Тетя Маруся ничего не понимала и только вытирала набегавшие слезы и благодарила честного, как ей виделось, депутата за то, что племяннице хоть что-то досталось от благ цивилизации, а не только бездомные, голодные щенки да перешитая одежда. Бога всех современных детей и подростков водрузили на компьютерный стол, который также прилагался «парламентским» бонусом. Маша стояла, не дыша и не веря своим глазам.

— Спасибо, — тихо прошептала она.

— Ну, что ты, детка! Мы заботимся обо всех детях города, у которых родители не могут себе позволить купить самостоятельно компьютер.

«Ну-ну, заботливый ты наш, — недобро усмехаясь, подумал Игорь, наблюдая за происходящим. — Компьютеры — детям, цветы — бабам. Точнее, не цветы, а хаты на бюджетные деньги и цацки на них же». Вскоре вся эта кодла с камерами и охранниками уехала во главе с довольным Паровозом, а Игорь остался у Маши, чтобы помочь девочке подключить компьютер и установить все необходимые программы. ■

А потом Игоря подкараулила около дома красавица Злата, которая обратилась к нему за помощью в поисках пропавшей сестры-близнеца и отдала журналисту флешку. После просмотра информации на ней Воронин сразу же обратился к знакомому оперативнику в Москве, а тот немедленно в отдел, где работали Гуров и Крячко. То, что Игорь обнаружил на видео, заслуживало внимания самых высших правоохранительных структур.

— Сколько удалось выловить кошечек? — спрашивал в кадре мужчина восточной наружности, мерзко ухмыляясь.

— Одну, но очень шикарную, ты за нее получишь реально большие деньги. Натуральная блондинка, славянка, шикарная фигура, модель, — ответил мужику очень знакомый голос, и в кадре появился... Паровоз!

— Ни хрена себе, — только и выдал Игорь. — Вот тебе раз и выпал снег...

— Что такое? Ты его знаешь?

— Конечно, знаю. И дело-то, похоже, очень серьезное. Думаю, что нужно подключать ФСБ, у меня там остались связи. Сам я не справлюсь, тут торговля людьми с участием очень высокопоставленных особ. Одну из этих особ можно наблюдать

прямо сейчас. Но погоди, давай досмотрим, что там... Речь идет явно о твоей сестре, иначе бы зачем тебе эту флешку в ящик кинули...

— Модель? — продолжал «бай». — Откуда у вас тут могут быть приличные модели? Одни кошки обглоданные и использованные вашими чиновниками не по разу в саунах. Такого добра везде хватает, — прищурив черные глаза, спрашивал мужик.

— Она не из наших. Питерская.

— Что??? Ты дебил, дядя Дима? Мне еще с питерской братвой разборок не хватало! Вы ее уже поймали и отвезли на нашу базу???

— Успокойся, Шах! Какая братва, я что, совсем ненормальный, по-твоему? Нет за ней никого, бабка тут у нее жила единственная, а так никакой родни. И в Питере за этой девкой никто не стоит, она не связывалась никогда ни с чиновниками, ни с вашими... Говорю же, эта девочка — редкий товар. Невероятно красивая и незатасканная, как ты изволил выразиться.

— Н-да? Ну ладно, посмотрим, кого ты там изловил... Сильно с транквилизаторами не переборщите, постарайтесь поговорить с ней. Наврите ей что-нибудь типа того, что она участвует в какой-нибудь ментовской

операции и ее прячут от возможных террористов, ну, ты знаешь, как с образованными девками разговаривать. Зашли к ней Джона, классный был когда-то обработчик женских мозгов.

— Он не у дел. Вербовский давно с нами не работает, долг за свою подружку вернул, и свалили они вместе из города.

— Вернул, говоришь? Ну, так новый долг организуем, дурное дело — нехитрое.

— С тобой приятно иметь дело, Шах!

— С тобой тоже было неплохо, Паровоз, пока во всяком случае.

Съемка оборвалась, а Игорь Воронин второй раз за сегодняшний день испытал шок. Коля Вербовский был его товарищем, они вместе оказались в Сирии в 2017 году. Игорь уже работал там военным корреспондентом от столичного издания, а Николай — военным психологом. Игорь попал под обстрел вместе с журналистами одного из ведущих телеканалов страны и был ранен. Военкоры работали в одном из жилых кварталов города Дейр-эз-Зор, когда произошел подрыв управляемого фугаса. Игоря после ранения отправили в московский госпиталь, потом — домой.

И вовремя, буквально через месяц во время съемок репортажа одной из операций

сирийской армии против боевиков-террористов погибли сразу двое его иностранных коллег. Что касается Вербовского, то он был уникальным специалистом. Его родители работали на каком-то засекреченном объекте, а Коля учился в специальном интернате, созданном для детей таких сотрудников. Что именно разрабатывали Лидия и Александр Вербовские, неизвестно.

Но когда Кольке исполнилось семь лет, они погибли во время взрыва, случившегося в лаборатории, которую возглавлял его отец. Тогда мальчика отправили в этот интернат, а не в обычный детский дом, поскольку выяснилось, что он, как и все дети этого учебного учреждения, особенный — индиго, как их стали называть несколько лет назад. Николай был ровесником Игоря, то есть он родился в 1976-м, а в 1983 году уже жил вне дома, вместе с такими же божьими созданиями, как и он сам. Или детьми дьявола, как считали некоторые... Жители местной деревеньки, рядом с которой был построено это спецучреждение, во всяком случае, думали именно так.

И были реальные причины для этого. Попав в интернат в разном возрасте, но в основном от пяти до восьми лет от роду, удивительные детки довольно быстро по-

нимали, что они и правда могут удивлять. А в силу возраста и обиды за то, что их оторвали от мам и пап, они отрывались на окружающих. С десяти лет им разрешалось гулять за территорией школы, вот они и гуляли... Не все, конечно... Самые, так сказать, продвинутые.

К примеру, одиннадцатилетняя Ника — во всяком случае, так рассказывали местные — одним взглядом могла заставить человека сделать то, что ей хочется. В итоге из деревенского магазина со своими друзьями она уходила с полным пакетом конфет, печенья и газировки. Чипсов и навороченных сладостей по тем временам не было, но дети и не были голодными, им просто очень хотелось попробовать свою власть над другими, взрослыми людьми. В спецшколе бы такое не прокатило — учителя тоже владели определенными способностями.

А тут — полное раздолье. О моральной составляющей они не думали не потому, что были поганцами, а потому, что с детства оказались в очень уж непривычных обстоятельствах. В конце месяца касса магазина пугала своей дикой неадекватностью. Никаких камер, разумеется, в деревенской лавке в начале 90-х не имелось, и проследить наше шествие индиго не представлялось возмож-

ным. В свою очередь, продавец тетя Лида, рыдая, говорила, что ничего не понимает...

Не поверить ей было невозможно, она трудилась на своем месте уже добрых десять лет, и ничего никогда не пропадало. Времена наступили тяжелые, но Лида всегда честно просила под зарплату, если ей нечем было кормить детей-подростков, и ей никогда не отказывали. А помнить, равно как и понимать, бедная тетка, конечно, ничего не могла.

Да и как замотанной тетке было уследить за толпой юрких и шустрых малолеток? К тому же еще и в большинстве своем — детишек из непростых семей, то есть по определению умевших общаться с окружающими в нужном им ключе. Та же Ника, хрупкая полупрозрачная девочка, хлопала огромными черными глазищами и спрашивала о составе и вкусе тех или иных конфет — и покупатели, забредавшие в сельпо, норовили угостить ребенка, а продавщица не замечала, как остальные детишки сметают с полок все, что плохо лежит.

Тот же Колька Вербовский, который входил в эту банду мелких вредителей, забалтывать умел еще лучше — неотрывно глядя в глаза той же продавщице и рассказывая какие-то побасенки про новое грибное ме-

сто в здешнем лесу, которое они с ребятами недавно нашли, и прочую чепуху. Однако последняя выходка компании переполнила чашу терпения руководства школы. А дело было так.

Они дождались, пока на лавочке в селе собралось несколько кумушек с семечками и последними сплетнями, чтобы обсудить таковые. Вышли из-за угла, пацан подкрался к сельским дамочкам со спины и выбил из руки одной из них пакет семечек. На халвяный корм тут же слетелись местные голуби, жирные и наглые. А подружка мальчишки тем временем отвязала от воротины вредного козла Ваську, и тот сиганул аккурат через лавку со сплетницами, наподдал копытом неосторожному голубю и унесся в закат.

Хихикая, хулиганский тандемчик тихонько исчез, оставив честной народ в полном ужасе и шоке. Вот только они не заметили, что их классный руководитель Михаил все это безобразие наблюдал, стоя в стороне незамеченным. Благо кусты шиповника и пыльные мальвы прекрасно его скрывали.

Поэтому в этот же день проделки честной компании стали известны директору школы Герде Васильевне, и Нику с Колькой вызвали на ковер, поскольку было оче-

видно, что инициатива, так же как и лидерство подобных вылазок, принадлежит именно им.

— Ну, рассказывайте, Горгона Медуза и Мессинг недоделанные в одном флаконе, как вы додумались до этого безобразия. Вы в курсе, что продавец Лидия Петровна была вынуждена выплатить непосильную для нее недостачу за ваши конфетные шалости? А двух селянок, которым ты, Ника, спустила на головы козла с привязи, а ты, Коля, лишил семечек, увезли по «Скорой» в состоянии гипертонического криза!

Коля и его «подельница» стояли, потупив глазки, никакого раскаяния при этом не ощущая.

— Ясно все с вами. Ну вот что. Если подобное повторится еще хотя бы раз, я отправлю вас в обычный детский дом. Там вам, конечно, в плане злодейства будет полное раздолье, но никаких знаний вы больше не получите. Да и злодеев почище вас двоих там тоже хватает. Хотите узнать, чем все это кончится в итоге? — спросила надменно директор. — В восемнадцать лет вас выставляют из детского дома, и хорошо, если вы получите свою квартиру, которая положена сиротам по закону. Как правило, большинство выпускников остаются без жилья

благодаря ушлым «предпринимателям» разных мастей. В итоге улица и — криминальные структуры, которые будут рады принять в свои ряды таких специалистов, как вы. Нужно же кому-то наивных пенсионеров убалтывать, лишая честно скопленных капиталов? Вы как раз подойдете на эту роль... Что потом? В лучшем случае — колония, в худшем — пуля в лоб во время разборок бригад, в которые вам посчастливиться попасть. У меня все.

До подростков наконец-то дошло, что с ними не шутят и что не такие уж они и ценные кадры, чтобы спускать с рук все безобразия. Они подавленно молчали.

— А если мы останемся тут и будем вести себя как положено, куда мы потом? В чем разница-то, Герда Васильевна? — глядя прямо в глаза своими черными как ночь глазами с длинным ресницами, спросила Горгона Медуза.

— Получите нормальное среднее образование, пойдете в хороший вуз по квотам, сделаем вам жилье, да и с работой в госструктурах поможем — благо связи нужные есть, — ответила та.

— Мы все поняли, Герда Васильевна, такого больше не повторится, — вдруг ответил за обоих Колька.